

Ирина Солдатова

Главные принципы миссии в сочинениях и практике алтайских миссионеров второй половины XIX — начала XX века

Автор излагает главные принципы миссии, предложенные выдающимся русским православным миссионером XIX в. архим. Макарием (Глухаревым) (1792–1847), которые на основе своей практической деятельности он развил, дополнил и конкретизировал. Анализ источников (писем, миссионерских и путевых записок, отчетов и др.) позволил показать преемственность, развитие и воплощение этих принципов в служении алтайских миссионеров, учеников и последователей прп. Макария.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миссия, Алтай, Макарий (Глухарев), принципы миссии, миссионерские дружины.

В 1828 г. Св. Синод издал указ об учреждении миссии в «стране Сибирской». В 1830 г. для проповеди Евангелия среди коренного населения на юге епархии была открыта Алтайская миссия. Возглавил ее архим. Макарий (Глухарев)¹. Он первым откликнулся на призыв архиеп. Евгения (Казанцева) об участии в миссии среди сибирских племен. Получив разрешение Синода и благословение митр. Филарета (Дроздова), 30 сентября 1829 г. архим. Макарий прибыл в Тобольск.

Пройдя настоящую духовную школу, архим. Макарий весь свой духовный и аскетический опыт воплотил в миссионерской работе, которая основывалась на любви к ближним, самоотречении, нестяжании. Все свои личные качества, силы, знания, умения, дары он отдал миссии.

1. Преподобный Макарий, в миру Михаил Яковлевич Глухарев, служил в Алтайской духовной миссии с 1830 по 1844 г., прославлен в лике Собора Сибирских святых 10 (23) июня 1984 г. и в сонме

всех святых, в Земле Российской просиявших. Общецерковное прославление состоялось в 2000 г. на юбилейном соборе Русской православной церкви. Дни памяти — 18 (31) мая и 7 (20) сентября.

Для организации миссионерской работы архим. Макарий получил от архиеп. Евгения следующие материалы: инструкцию² Св. Синода 1769 г. (о миссионерской работе среди язычников); копию Высочайше утвержденного Положения Государственного совета 1826 г. о льготах для крестившихся инородцев, освобождающую их на три года от податей и повинностей, а также об их обособлении от вредного влияния языческой среды через расселение среди христианских семейств; распоряжения генерал-губернатора об оказании гражданскими властями защиты и покровительства миссионерам; указания архиеп. Евгения, который рекомендовал изучать язык инородцев, узнавать их обычаи, веру, переводить на их язык Новый завет, Псалтирь, Символ веры, заповеди, катехизис, молитвы, а также вести журнал о своих действиях [*Материалы для биографии*, 36–37; *Архимандрит Макарий. Биографический очерк*, 17]. На основе этих документов архим. Макарий установил первоначальные принципы миссии и далее на практике (на собственном опыте), учась на своих ошибках, воплотил и развил их в своей миссионерской работе. Это следующие принципы:

- необходимость подготовки к миссии;
- последовательность миссии;
- пример личной жизни;
- необходимость знания менталитета, верований и образа жизни народа;
- донесение истины на родном языке народа;
- признание свободы человека, к которому обращена проповедь.

Дело, начало которому прп. Макарий положил на Алтае, продолжили его ученики и последователи.

Первым начал свое служение в Миссии (с 1836 г.) прот. Стефан Ландышев (1815–1882), в 1844 г. ставший ее начальником. В Миссии успешно трудились архим. Владимир (Петров) (1828–1897, с 1886 г. — архиепископ Казанский), свт. Макарий (Невский) (1835–1926), прот. Василий Вербицкий (1827–1890), архиеп. Бийский Иннокентий (Соколов) (1847–1937), свящ. Константин Соколов, свящ. Павел Сорокин (в Миссии с 1911 г.), свящ. Михаил Чевалков (1817–1901), свящ. Михаил Тырмаков (в Миссии с 1886 г.),

2. В Инструкции 1769 г. сказано, что при обращении инородцев миссионерам следует преподавать им христианское учение «сообразно их младенческому пониманию», разъяснять в кратком виде и только главные догматы, не принуждать к постам, объяснять, что надо не иконы почитать, «а только поклоняться их изображени-

ям», проявлять «кротость и любовь», не угрожать, не притеснять, не принуждать к крещению. Рекомендовалось начинать беседу с разговора об их жизни, а потом о Законе и богослужении, указывая на «неправильность их мнений» без грубости, но терпеливо, ласково, дружелюбно [См.: *Ястребов*, 35–38].

свящ. Макарий Абышкин (в Миссии с 1896 г.), свящ. Гавриил Оттыгашев (в Миссии с 1882 г.), дьякон Иоанн Бобраков (Тозыяков) (в Миссии с 1896 г.), Мирон Васильевич Эдоков (Мундус) (1879–1942) и другие.

В основу миссионерских принципов архим. Макария (Глухарева) легли: евангельские принципы, опыт святых отцов, а также церковно-административные документы: инструкция Св. Синода для миссионеров и указания архиеп. Евгения (Казанцева). Практика позволила прп. Макарию развить, дополнить и конкретизировать эти принципы. Его ученики и последователи в дальнейшем также дорабатывали их³.

Необходимость подготовки к миссии

В своей работе «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между магометанами, евреями и язычниками в Российской державе» архим. Макарий предложил и подробно описал свой план подготовки миссионеров. Он утверждал, что необходимы такие заведения, в которых «приготавливаемые к служению миссионерскому получили бы благопотребные знания, искусства и навыки» [*Мысли*; цит. по: *Нестеров*, 237]. Этими образовательными заведениями могли бы быть общежительные монастыри (мужской и женский), «предназначенные к образованию благонадежных миссионеров и подвижниц, достойных сего же звания» [*Мысли*; цит. по: *Нестеров*, 256]. В таких миссионерских образовательных монастырях, как называл их архим. Макарий, главное внимание сосредотачивалось на нравственном воспитании, затем на получении воспитанниками различных знаний [*Нестеров*, 256, 271–273].

Эти монастыри могли помочь решить и постоянную проблему — где брать подготовленных и наученных миссионеров.

3. Алтайская духовная миссия — одна из самых изученных. Существует большое количество документов, исследований, особенно о жизни и миссионерской деятельности самого прп. Макария. Много издано литературы по истории возникновения и развития Миссии, где отражены ее особенности и, в основном, положительные стороны. Это статьи К. В. Харламповича, изданные в 1905 г. («Архимандрит Макарий Глухарев: По поводу 75-летия Алтайской миссии»), прот. Бориса Пивоварова «Из духовного наследия алтайских миссионеров» (изд. 1998 г.). В 2005 г. вышла книга С. В. Нестерова

«Словом и житием наставляя». Это наиболее полный труд о прп. Макарии, об основании и развитии Алтайской миссии. Необходимо отметить монографию Д. В. Кацубы «Алтайская Духовная Миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности» (Кемерово, 1998), где он пишет о проблемах миссии и о причинах, негативно сказавшихся на ее работе.

Об Алтайской миссии также писали И. И. Ястребов, Д. Д. Филимонов, К. В. Харлампович, И. К. Смолч и многие другие.

*1 Ср.: 1 Кор 9:27

Подобно ап. Павлу^{*1}, архим. Макарий считал, что кроме знаний миссионерам необходимо приобретение аскетических навыков послушания, терпения, смирения, направленных против самолюбия, своеволия, гневливости и гордости. Для этого он предлагал организовать Образовательную миссионерскую общину с уставом, состоящим всего из двух слов: «благослови» и «прости» [*Мысли*; цит. по: *Нестеров*, 255–261].

Было решено основать миссионерский монастырь, о котором говорилось выше, принимать в него только желающих посвятить себя труду проповеди Евангелия, особенно из новокрещеных [*Алтайская миссия*, 150, 157]. Место выбрали в районе Телецкого озера, хотя из-за его труднодоступности архим. Макарий планировал организовать там малый иноческий стан [*Нестеров*, 330]. В итоге был основан Чулышманский Благовещенский мужской монастырь⁴, положивший начало христианской жизни в районе Телецкого озера и долины реки Чулышман⁵.

Понимая проблему нехватки служителей, прот. Стефан (Ландышев) считал необходимым готовить миссионеров из инородцев. Во всех отделениях миссии (уже при нем, до 1862 г.) были созданы училища для обучения местных детей русской грамоте и Закону Божьему. Отец Стефан предлагал определять для помощи церковнослужителям самых способных, окончивших эти училища, указывая, что из этих помощников со временем «могли бы образоваться хорошие миссионеры» [*Ландышев*, 23]. Также, окончив курс и возвратившись домой, ученики могли бы стать проповедниками христианской веры для своих родных, знакомых, соседей.

Для более серьезной подготовки миссионеров-инородцев в 1867 г. в Улале было открыто Центральное миссионерское училище, воспитанники которого были прекрасными помощниками миссионеров в их поездках, а позже и сами становились миссионерами.

В 1883 г. в Бийске открылось катехизаторское училище⁶ для инородцев с преподаванием в объеме духовных училищ (также проводились занятия по медицине, по труду). В 1898 г. оно было преобразовано в Миссионерское Алтайское училище. В 1914 г. на средства Миссии в нем обучалось тридцать детей-инородцев.

4. Основанием монастыря в Чулышманской долине занялся иером. Макарий (Невский), который в 1871 г. был возведен в сан игумена.

5. В 1904 г. при нем был устроен детский приют для девочек, а в 1905 г. открыто чулышманское миссионерское училище для инородческих детей.

Других материалов о подготовке миссионеров в монастыре автором не найдено.

6. Это училище готовило миссионеров не только для Алтая, но и для всей Западной Сибири и Киргизии. После его окончания воспитанник поступал на служение в стан Миссии, где его дальнейшим

Как отмечает Д. В. Кацюба, Миссия обязана этому училищу тем, что проповедь христианства велась на родном алтайском языке [Кацюба, 106].

Как и архим. Макарий, его ученики и последователи большое значение придавали молитве. В составленной епископом Томским Владимиром (Петровым) молитве есть такие слова: «Яко Господь жатвы Твоя, изведи многих делателей на жатву Твою!»^{*1}. Также в ней имеются прошения о даровании миссионерам молитвенного духа, духа любви, смирения, терпения и разума [Из духовного наследия, 25–26].

*1 Ср.: Мф 9:38

Практическую подготовку миссионеры получали в миссионерских путешествиях, приобретая опыт и навыки, а также сведения, касающиеся образа и условий жизни, верований инородцев, необходимые для успеха миссии.

Большую помощь миссионерам в их подготовке оказали опубликованные в различных изданиях миссионерские записки архим. Макария (Глухарева), прот. Стефана Ландышева, записки и статьи прот. Василия Вербицкого⁷. Из них можно было почерпнуть различные сведения об алтайцах. Для овладения наречиями алтайского языка имелись словарь и грамматика, также разработанные прот. Вербицким. Наконец, в 1893–1894 гг. был полностью опубликован проект архим. Макария (Глухарева) о совершенствовании миссионерского дела в России («Мысли...»), содержащий его размышления о миссии и ее проблемах, подробную информацию об алтайцах, а также скрупулезный план подготовки миссионеров.

Большое значение имели братские съезды. Они устраивались один раз в год в день памяти прп. Макария. К 19 января в Улалу приезжали все миссионеры для личных и братских встреч, объяснений, совещаний, совместного пересмотра и обсуждения переводов, чтения и сдачи годовых отчетов и для различных общих действий братства миссии [Ландышев, 29].

Материальное положение Миссии было сложным. Для организации новых станов, строительства школ, церквей необходимы были средства, которых всегда не хватало. Миссия могла рассчитывать только на благотворителей. Миссионеры специально

обучением и воспитанием занимался миссионер, который, по словам еп. Макария (Невского), «постепенно приготавливает из сего юноши служителя Церкви, себе помощника, впоследствии, может быть, преемника» [Цит. по: К Свету, 157].

7. Позже записки и статьи прот. В. Вербицкого составили книгу под названием «Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера В. И. Вербицкого» (М., 1893).

приезжали в столицу для популяризации дела Алтайской миссии, стараясь привлечь к ней внимание. Сотрудники Миссии получали очень маленькое жалование, поэтому выпускники Тобольской и Томской семинарии не желали поступать туда на службу [Ландышев, 34]. В начале XX в. средства Миссии еще больше сократились, сборы на ее нужды упали.

Д. В. Кацюба считал, что миссия могла быть значительно успешнее, если она «имела бы достаточно средств на свои нужды». Для этого также требовалось, по его мнению, «чтобы миссионеры и руководство миссии не занимались строительством и вопросами хозяйства» [Кацюба, 33].

Как видим, рассматриваемый принцип оставался одним из главных на протяжении всего времени существования Алтайской миссии. В центре внимания были вопросы: подготовки и обучения миссионеров, в том числе и из инородцев; приобретения аскетических навыков; изучения народа, его нравов, обычаев, верований, языка; молитвы; материального содержания миссии.

Последовательность миссии

Методы миссии, определяемые принципом последовательности, были подсказаны самой миссионерской практикой и связаны с жизнью алтайских племен.

В любой миссии важна постепенность приведения человека к вере, воздействие скорее на его сердце, чем на ум. Мало кто из местных племен соглашался слушать проповедь, а еще меньше было тех, кто понимал ее. Миссионеры, разъезжая по кочевьям, ночуя в юртах инородцев, везде старались вникнуть в житейские проблемы алтайцев, чем-то помочь. Они лечили больных, раздавали лекарства, вещи. Это способствовало установлению доверительных отношений, необходимых для успеха проповеди. Важнейшее качество миссионера — приветливость к каждому человеку. Прп. Макарий отмечал, что необходимо «растирать оцепеневшие члены духов, глубоко погрязших в чувственности... чтобы в них пробудилось внимание...» [Мысли; цит. по: Нестеров, 333].

Священник-миссионер Гавриил Оттыгашев писал в 1906 г., что для успешного обращения язычников «единственными и действительными средствами могут служить частые поездки... с проповедью Слова Божия, открытие школ и распространение... грамотности» [Из духовного наследия, 125].

У прот. Михаила Чевалкова есть много рассказов, повествующих о его миссионерских поездках, в них видны важные нюансы, позволяющие реализовать принцип последовательности миссии. Ему не надо было сживаться с народом, он сам был из него. Он ловил рыбу, торговал, привычно вступал в общение, беседовал, помогал, всегда приветливо встречал людей, чем располагал к себе, вызывая доверие. Ему не требовался толмач, он легко вникал в проблемы алтайцев [Чевалков, 36–50]. Вот одно из свидетельств жителей айла, почувствовавших на себе действие проповеди: «Мы, живя здесь, ничего не можем принять в ум свой, а когда посмотрим да послушаем, то начинаем и подумывать». После этого о. Михаил приезжал к ним несколько раз, жил там, ведя беседу «от создания мира до последнего века» [Чевалков, 72]. В другое селение он ездил с проповедью о Христе три года [Чевалков, 73].

Лечение больных всегда было неотъемлемой частью миссионерской работы. Подобная помощь и забота располагала инородцев к общению и слушанию слова проповеди. Также и выздоровление больного обычно сильно впечатляло его и окружающих. Практически во всех миссионерских записках содержатся подобные сведения⁸.

Нередко миссионерам приходилось лечить больных у себя дома. При лечении они старались объяснить, что исцеляет не человек, а Господь. Бог не только спасает душу, но и лечит тело [См.: *Вербицкий. Записки миссионера за 1858 год*, 30].

Последовательность в миссии способствовала обращению к вере язычников, в свое время слышавших проповеди о. Макария (Глухарева), но тогда не решившихся креститься [Из писем прот. Стефана Ландышева, 168].

Не все инородцы в силу ограниченных способностей могли усвоить слово проповеди; некоторые вообще не воспринимали христианство [Вербицкий. *Записки миссионера за 1858 год*, 1]. Вероятнее всего в таких случаях была важна непрерывность проповеди. Но, как отмечает Д. В. Кацюба, не всегда это было возможно из-за отдаленности селений, отсутствия дорог и главное, нехватки миссионеров⁹. Миссионер, ежегодно посещая все населенные

8. Так, например, прот. В. Вербицкий писал о лечении сына некрещеных родителей Ионта, лицо которого было покрыто золотушными струпьями. Мальчик просто хотел вылечиться (желания креститься у него не было). Но после исцеления креститься пришли все: мальчик с матерью и те,

кто присутствовал при разговоре [Вербицкий. *Записки миссионера за 1858 год*, 9, 15].

9. В основном это касалось Кузнецкого округа, где долгое время был только один стан и один миссионер, а территория была огромной [Кацюба, 52].

пункты своей территории, мог оставаться в них не более двух-трех дней, «чего, безусловно, не хватало для установления доверительных отношений, позволяющих жителям принять крещение», или приходилось крестить инородцев без необходимой подготовки. В таких случаях обращение носило «только внешний, обрядовый характер». Большинство крещенных таким образом инородцев оставались «двоеверами» [Кацюба, 50–52].

Прот. Стефан Ландышев, понимая проблемы, связанные с большой протяженностью и малодоступностью многих территорий Алтая, считал необходимым основывать как можно больше станов на значительных расстояниях один от другого и в них «рассаживать по два или по три сотрудника» [Из писем прот. Стефана Ландышева, 185]. Эта мысль была еще у прп. Макария, который предлагал устраивать малые иноческие станы в труднодоступных местах, где бы иноки селились по двое. Они должны были знакомиться с соседями, входить в их жизнь, помогать, учить огородничеству, рукоделию, врачевать, учить детей грамоте [Нестеров, 330–332].

Таким образом постепенно стали возникать иноческие станы [Ландышев, 8, 12, 14], в задачу которых входило обеспечение возможности постоянного и более близкого общения миссионеров с инородцами для приведения их ко Христу. Устройство станов (с церквями, различными учреждениями, школами) позволяло все глубже проникать в дикие края с проповедью Евангелия и все больше инородцев приобщать к христианской вере.

Убедившись в том, что христианская вера эффективнее передается от новокрещенных инородцев к их соплеменникам благодаря их общению и родственным связям, новые поселения для обращенных стали устраивать недалеко от кочевых стойбищ. Инородец из оседлых или из обрусевших христиан, проживая в таком селении, «сам делается влиянием своим как бы приготовительным миссионером», писал прот. Стефан Ландышев. Он убедился, что так кочевые инородцы в совместной жизни со своими новокрещенными соплеменниками приобщались к православной вере и «незаметным образом, наглядно» обучались домоводству, земледелию и русскому языку [Алтайская миссия, 131]. Но не всегда это имело только положительные результаты, поскольку новокрещенные также поддавались влиянию язычников, в частности, принимая участие в языческих жертвоприношениях [Ландышев, 11, 14, 126].

На отношение язычников к христианской вере нередко негативно влиял сбор денег на содержание и ремонт церквей, при-

чтовых домов и причта. Указывая на это, священник-миссионер Макарий Абышкин предлагал освободить всех инородцев от содержания причта, чтобы избежать подобных упреков и успешно проповедовать слово Божье. В то же время он отмечал: «...кто желает по убеждению принять Православие, не посмотрит на эти поборы» [*Из духовного наследия*, 116].

В деле последовательного приведения язычников к христианской вере и просвещения местного населения алтайские миссионеры придавали большое значение обучению грамоте. Еще прп. Макарий открыл три школы для детей, где обучение велось на алтайском языке, в них преподавали русскую грамоту и церковнославянский язык для понимания богослужения¹⁰. Дети молились и по-церковнославянски, и на местном наречии, учились петь на богослужении [*Архимандрит Макарий. Биографический очерк*, 25, 26]. В обучении грамоте, как пишет К. В. Харлампович, прп. Макарий «видел надежное основание для успешности того дела, которому служил он» [*Архимандрит Макарий. Биографический очерк*, 26].

Д. В. Кацюба писал, что Миссия всегда считала школу «могучим средством в деле христианизации инородцев» [*Кацюба*, 75]. Школьники приобщали к христианству своих родителей, соседей, знакомых. Ученики ходили по аилам, читали на алтайском назидательные рассказы, беседовали и пели молитвы.

К. В. Харлампович, также отмечая важное значение школ на Алтае, указывал, что они стали «учреждениями миссионерскими, христианско-воспитательными, действующими грамотой, богослужением, духовными процессиями и т. д., словом всем, что только способно возбудить в инородцах христианскую мысль и христианское чувство» [*Царю Небесному и земному верный*, 253].

О миссионерском значении школы свящ. Павел Сорокин говорил так: «...алтайская церковная школа бросает в сердца язычников семена Христова учения, искры православия» [*Из духовного наследия*, 175]. Из его отчета за 1912 г. видно, что в школах учились как крещенные, так и некрещенные дети. Некрещенные могли по желанию присутствовать на уроках Закона Божьего, слышали объяснения учителей и усваивали христианские истины. Эти

10. Он предлагал открывать школы не только в селах, но и в деревнях, чтобы не разлучать детей с родителями. Тогда ребенок «в свободные от занятий учебные часы и дни принимал бы участие в трудах отца и матери» [Цит. по: *Нестеров*, 231].

начатки христианства они несли в юрты к своим родным [*Из духовного наследия, 171, 175*].

Но не во всех отделениях Миссии обучение грамоте было успешным. Сложности возникали у кочевых племен, живущих в гористой и каменистой части Алтая, менявших свои стоянки несколько раз в год и поэтому не имевших возможности посещать школу.

Также сказывался недостаток учителей, знающих алтайский язык, из-за этого в дальних уголках Миссии многие школьные здания пустовали (это больше относится к началу XX в.) [*К Свету, 98*].

В 1917 г. распоряжением Временного правительства миссионерские школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения, поэтому они прекратили свое существование как миссионерские. К 1920 г. они пришли в упадок, а затем были совсем разорены.

На приведение человека к вере оказывало влияние как внешнее, так и внутреннее убранство церквей. Имело значение и то, что на богослужении пели сами инородцы, а их дети подавали кадило и звонили в колокол [*Вербицкий. Записки миссионера за 1858 год, 4*]. В одном из писем прот. Стефан Ландышев пишет о влиянии благовеста на инородцев: «Колокольный звон разносится по жилищам некрещеных, привлекает любопытных и звучит в совести разумных из них» [*Из писем прот. Стефана Ландышева, 171*]. Прот. В. Вербицкий описывает случай обращения двух женщин инородок, которых привлекло «необыкновенное освещение храмины», и они вошли из любопытства. Отец Василий побеседовал с ними, и они стали постоянно участвовать в богослужениях [*Вербицкий. Записки миссионера за 1858 год, 6*].

После богослужений в воскресные и праздничные дни все желающие, в том числе и некрещеные, собирались для бесед. Подобные собрания начал устраивать еще прп. Макарий. Слушали чтения, беседы обо всем благочестивом и полезном, пели псалмы, гимны (сочиненные о. Макарием) [*Алтайская миссия, 146*]. Такие встречи, несомненно, приобщали язычников к православной вере. Так на Алтае стали появляться воскресные школы.

В начале XX в. большую роль в последовательном обращении язычников сыграли миссионерские дружины [*К Свету, 95–98*]. Их успешность отмечал еп. Иннокентий (Соколов): в результате деятельности одной из дружин «калмыки-язычники настолько приблизились к святой Церкви Христовой, что стали охотно посещать православное богослужение и слушают со вниманием

пастырские наставления отцов-миссионеров» [*Из духовного наследия, 184*].

Так осуществлялся в миссионерской работе принцип последовательности и постепенности приведения человека к вере.

Открытие новых станов позволило охватывать все большие и малодоступные территории Алтая христианской проповедью. Но, к сожалению, в связи с недостатком миссионеров, огромными расстояниями, отсутствием дорог, ограниченности времени они иногда не успевали установить доверительные отношения, необходимые в миссии. По той же причине крещение в подобных случаях проходило без должной подготовки, что приводило к появлению двоеверия.

Пример личной жизни

Свидетельство о Христе своей жизнью — это самый важный миссионерский принцип. Человек, не живущий жизнью Христа, не может Его проповедовать, не может свидетельствовать так, чтобы его слово было действенно, приводило других к вере и в Церковь.

В этой связи нельзя не сказать о личности прп. Макария, которого недаром именуют «первоапостолом Алтая». Архиепископ Орловский и Севский Смарагд (Крыжановский) (1796–1863) называл его «осуществленным, живым Евангелием» [*Харлампович, 91*]. Вся его жизнь была свидетельством о его вере, о Христе. Он строго выдерживал принцип: жизнь и вера — едины. М. Макаревский, отмечая влияние прп. Макария на инородцев, писал, что его личность «высоко стояла в глазах полудиких сибирских инородцев и была окружена благоговейным уважением: он имел сильное и глубокое влияние на всех инородцев, даже не желавших креститься» [*Макаревский, 5*].

Принимая человека в общение, прп. Макарий щедро делился своей верой, жизнью, своей духовной радостью. Он всегда был заинтересован в каждом человеке, терпеливо уговаривал, убеждал, молился за него. Прот. Стефан Ландышев вспоминал: «...умел он говорить просто, проникновенно, ясно и любил алтайцев, как детей... так и звал: “детки”...» [*Макарова-Мирская, 20*].

Любовь, долготерпение, милосердие — это те качества человеческой души, без которых миссия невозможна. А также взаимопомощь, готовность пожертвовать своей жизнью ради жизни другого человека. Миссионеров не могли остановить ни сложные

природные и погодные условия Алтая, ни отсутствие элементарных бытовых удобств (даже еды у них часто не было, только чай и сухари). Их жизни постоянно угрожала опасность. Они тонули, срывались в ущелья, замерзали, но шли, неся слово Божье людям, в самые затаенные уголки Алтая, не думая о себе, а всецеловеря себя Богу.

Миссионеры относились к алтайцам с любовью, непрестанно проявляли заботу о бедных, больных, слепых. Их приветливость, отзывчивость покоряли сердца инородцев¹¹. Не обращая внимания на опасности и вверяя свои жизни Господу, миссионеры шли проповедовать в дальние айлы. В рассказе о переправе через реку в ледоход приводятся слова исправника об архиеп. Владимире (Казанцеве): «Это, братцы, миссионер, он всегда в такой беде живет; сердце свое он Богу отдал; Бог его и ведет теперь, Бог и хранит» [*Макарова-Мирская, 188*]. Эти слова можно отнести ко всем алтайским миссионерам.

Отец Лев (Р-а) в своей проповеди говорил о завете Иисуса Христа, что, спасая другого, надо отдать свою жизнь: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»^{*1}. Позже, спасая мальчика на Телецком озере, он заболел и умер. То, что священник, не раздумывая, исполнил завет Христа, что его слова не разошлись с делом, сильно поразило всех членов семьи мальчика, и они решили креститься. Отец при этом сказал: «Я люблю твоего Христа... у алтайцев нет такого Бога... наш бог хочет мяса, крови, жертвы, а твой велит помогать, велит умирать за других... Я тоже хочу слушаться Его, хочу креститься...» [Цит. по: *Макарова-Мирская, 252–256*].

Инородцы уважали миссионеров и доверяли им настолько, что обращались к ним даже для судебных разбирательств. Отцу Василию Вербицкому алтайцы отдали на хранение все свои зайсанские печати¹². Такое благорасположение народа сказалося и на миссионерской деятельности о. Василия — он крестил свыше двух тысяч человек. «Этот знак уважения и доверия некрещеных к служителям Церкви Христовой — залог будущего просвещения их истинной верой» [*Алтайская миссия, 150*].

11. У А. И. Макаровой-Мирской есть рассказ, как молодой миссионер Михаил (будущий владыка Макарий (Невский)) заботился о семье слепых. Он сидел с ними несколько ночей, когда была буря, рассказывал о Боге, вместе они пели молитвы [*Макарова-Мирская, 45*]. В другой раз он спас

мальчика от укуса ядовитой змеи на глазах у изумленных родителей, совершенно не заботясь о своей жизни [*Макарова-Мирская, 283*]. Она писала, что он имел сердце, полное любви к людям.

12. Зайсаны — родовые старейшины.

*1 Ин 15:13

Итак, пример личной жизни алтайских миссионеров, как явление деятельной веры и любви, стал одним из самых действенных факторов миссии.

Необходимость знания менталитета, верований и образа жизни народа

Осознавая необходимость знания характера, образа жизни, верований алтайцев для успешного приведения их ко Христу, миссионеры всегда использовали свои поездки для сбора подробных сведений о местных жителях. Прп. Макарий писал, что это поможет миссионерам выбрать способы «руководствования сих язычников к спасительному богопознанию» [*Из путевых заметок архим. Макария, 163–167*]. Прот. Василий Вербицкий также отмечал: «Это дело в нашем служении немаловажное» [*Вербицкий. Записки миссионера за 1858 год, 23*].

Знание кочевий помогало лучше выбрать место для миссионерского стана, чтобы поселиться в нем постоянно, а не только изредка навещаться [*Ландышев, 12*]. Так, например, поступили о. Смарагд, о. Иоанн, о. Василий Вербицкий и другие миссионеры.

Понимание местной жизни помогало миссионерам найти те слова, которые больше всего могли воздействовать на инородцев. Постоянное изучение верований алтайцев облегчало миссионерам задачу доказательства неистинности нехристианских учений. В начале XX в. на Алтае большое распространение получило четово¹³ учение (но не все шаманисты его приняли). Дьякон Иоанн Бобраков писал о встречах и беседах об этом с такими шаманистами [*Из духовного наследия, 91*].

Большую роль в разоблачении различных новых учений и пророчеств сыграли миссионерские дружины. Первые три дружины были организованы в 1906 г. именно для этих целей [*К Свету, 95*]. По поводу успешности их действий в отчете Алтайской духовной миссии за 1915 г. говорится, что дружины победили озлобление и неприязнь бурханистов и те стали «вдумчивее относиться к собственному религиозному мирозерцанию и колебаться в истинности его» [*К Свету, 99*].

13. Чет Челпанов — один из главных руководителей бурханистов, призывавший шаманистов сжечь своих идолов, иначе они погибнут от огня, который упадет с неба [*Из духовного наследия, 91*].

При этом отношение к местным верованиям было достаточно уважительным. Это имело большое значение для установления доверия. Также миссионеры столкнулись с почитанием язычниками христианских святынь и использовали этот религиозный опыт в своих беседах и проповедях¹⁴.

Миссионеры-инородцы с большим успехом использовали свои знания при обращении иноверных, благодаря им христианская проповедь велась на алтайском языке.

Н. И. Ильминский отмечал большое доверие язычников к своему единокорядцу, он считал, что вследствие недоверия к русским «некрещеные всегда охотнее выслушивают своего единоплеменника, говорящего на их языке и живущего в обстановке и условиях быта с ним одинаковых» [Цит по: *Кацюба*, 67].

Незнание языка и обычаев часто негативно сказывалось на отношениях с алтайцами, о чем свидетельствует пример братии Чулышманского монастыря. Им пеняли в том числе на «неумелое» обращение с инородцами, всегда ценящими выше всего ласковое обращение [Из *духовного наследия*, 83].

Миссионерам часто приходилось защищать инородцев, в том числе и язычников, от притеснений и негативного влияния раскольников и русских поселенцев, а также от произвола местных властей¹⁵. Были случаи вытеснения кочевников с лучших земель и пастбищ, что несомненно сказывалось на их отношении к христианству [Кацюба, 35, 33, 98].

Итак, знание менталитета, верований и образа жизни алтайцев помогало миссионерам находить простые и доступные слова, использовать именно те методы, которые наиболее подходили для обращения язычников Алтая. Незнание языка и обычаев часто негативно сказывалось на отношениях с инородцами, что приводило к потере доверия к русским. С появлением миссионеров-инородцев данный принцип стал неотъемлемой частью миссии, и это положительно сказалось на обращении людей. Постоянное изучение местных верований помогало противодействовать

14. Среди инородцев Кузнецкого округа особо почитался свт. Николай: «Даже некрещеные, находясь в опасности и бесполезно призывая свои мнимые божества, наконец, обращаются к Угоднику истинного Бога и получают видимое избавление от неминуемой гибели». Также язычники призывали на помощь пророка Илию и архистратига Михаила. Есть местное предание, повествующее о чудесном спасении богатого татарина Михаилом-архангелом

[Вербицкий. *Записки миссионера за 1858 год*, 13]. Соенцы-язычники, чтобы новорожденные дети не умирали, надевали на них кресты и давали христианские имена. Заметив это, миссионеры стали рассказывать им «о великих делах Божиих, о крещении Руси и о нетленных мощах святых угодников Божиих» [Из *духовного наследия*, 77].

15. Раскольники часто жили безнравственно, приносили жертвы, как и язычники, оказывая сильное

новым учениям и пророчествам, появившимся на Алтае в XX веке. Хорошо зная проблемы, связанные с русскими поселенцами, раскольниками, местными властями, миссионеры вступались за инородцев, в том числе и язычников.

Донесение истины на родном языке народа

Приехав на Алтай, прп. Макарий сразу взялся за изучение алтайского языка. Трудность заключалась в том, что тюркоязычные алтайские племена говорили на множестве различных наречий, своей письменности не имели. В освоении местных наречий и переводах помогали толмачи из инородцев, особенно татары, имевшие тесные связи с русским населением.

Получив первые переводы, архим. Макарий писал: «Мы могли уже предлагать инородцам существенное учение Христовой веры и приглашать их в Церковь Христову наречием черневых татар и алтайцев» [*Мысли*; цит. по: *Нестеров*, 39].

И. И. Ястребов писал о языке как необходимом и надежном средстве к сильнейшему воздействию на алтайцев. О переводах он упоминал, что они дали возможность «каждому грамотному алтайцу разносить христианство по юртам некрещеных родственников и знакомых при всяком удобном случае» [*Ястребов*, 49, 104].

Понимая важность проповедования слова Божьего на родном языке народа, все миссионеры учили алтайский язык. Архим. Макарий (Невский) говорил, что язык туземцев — это азбука миссионерства, необходимая каждому [*Макарий (Невский)*, 152]. Проповедь миссионера на родном языке действовала на народ с особенной силой [*Алтайская миссия*, 114].

Продолжалось изучение местных лингвистических¹⁶ и этнографических особенностей. Большой вклад в эту область внес прот. Василий Вербицкий. С момента поступления в Миссию он принялся за изучение алтайского языка. Результатом явилась

противодействие миссионерам. Об этом прот. Стефан Ландышев писал: «Умножение таких жителей внутри Алтая может иметь вредные последствия и послужить заразою раскола для христианства в Алтае». Поэтому миссионеры старались ограничивать это влияние даже путем выселения крестьян-раскольников [*Из писем прот. Стефана Ландышева*, 186, 196]. Русские поселенцы-христиане тоже приносили немало вреда, спаивая алтайцев.

16. В 1867 г. иером. Макарий (Невский) совместно с Михаилом Чевалковым составил алтайско-русский букварь, собирал материал для грамматики алтайского языка. Были продолжены работы над переводами, начатыми прп. Макарием. В 1864 г. о. Макарий (Невский) начал готовить для печати первые книги на алтайском языке.

сначала его «Краткая грамматика алтайского языка», а затем, по накоплении достаточного материала, собираемого непрерывно в продолжение более тридцати лет, «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» [Вербицкий. *Алтайские инородцы*, 8–10].

Прот. Василий Вербицкий приводит пример воздействия проповеди на родном языке. Некий некрещеный старец слушал поучение. Он осознал, что учение христианское весьма хорошо, плакал и ударял себя кулаками по лбу (выражение сильных чувств) и обещал непременно креститься, правда, не иначе, как при смерти [Вербицкий. *Записки миссионера за 1858 год*, 29].

Понимая, что лучше всего донести христианские истины до народа могут сами алтайцы, в 1865 г. Св. Синод принял специальное положение, разрешающее принимать алтайцев в миссию в качестве проповедников христианства [Кацюба, 52].

Это не только дало возможность охватить христианской проповедью больше язычников, но способствовало ее лучшему пониманию. А в 1883 г. Св. Синод разрешил совершать литургию на языке инородцев, что было важно и для язычников, посещающих богослужения.

Обучение грамоте местного населения всегда было одной из важных задач миссии, так как это способствовало ее большему успеху. Еще прп. Макарием был разработан алтайский алфавит (на основе русского), также он составил словарь из 3000 слов, который послужил основой для дальнейшего создания грамматики и учебной литературы на алтайском языке. Местные языки прп. Макарий использовал в проповедях и переводах, вводил их в богослужение и в школах. Во всех станах крещеных и некрещеных инородцев обучали алтайской и русской грамоте. Для язычников это стало особенно важно с появлением печатных изданий различных книг религиозного содержания на алтайском языке, а новокрещенным давало возможность более успешно самим распространять христианство.

Итак, христианская проповедь на родном языке способствовала лучшему пониманию и осмыслению алтайцами слова Божьего. Это стало возможным благодаря изучению миссионерами алтайского языка, появлению переводов на различные наречия, подготовке миссионеров из инородцев. Обучение алтайцев грамоте вело к более глубокому усвоению ими христианских истин. Благодаря этому христианство распространялось и через самих инородцев.

Признание свободы человека, к которому обращена проповедь

Признание свободы человека в выборе веры всегда имело большое значение. Миссионеры в Алтайской миссии действовали уговорами, убеждениями, они заботились, помогали, лечили язычников, не ставя условием обязательное крещение.

Согласно Положению 1826 г. инородцам, принимавшим крещение, предоставлялись льготы. И.И. Ястребов писал, что их рекомендовалось объявлять в проповедях и прп. Макарий так и поступал [Ястребов, 35, 38]. Также он отмечал, что это делалось с целью «привлечения внимания и расположения к слушанию проповеди» [Ястребов, 51]. Но в изученных автором источниках сведений об этом не найдено. В путевых записках архимандрита есть сведения о крещении татарина, находившегося под надзором властей. Крещение освобождало его от наказания, но, как пишет прп. Макарий, «мы объявлять ему о сем до крещения не решились» [Из путевых заметок архим. Макария, 115]. Это Положение было применено к первому новокрещенному инородцу Элеске (в крещении Иоанну). Прп. Макарий сам ходатайствовал об освобождении его на три года от всех повинностей и податей, а также о приписке Иоанна к христианскому обществу, поселяя его среди христианских семейств [Материалы для биографии, 46].

В более поздних свидетельствах об Алтайской миссии читаем, что новокрещенным приходилось ожидать обещанные льготы по несколько лет, иногда более десяти, так что иные умирали, ничего не получив. Автор свидетельства делает вывод, что льготы не могли быть причиной их желания креститься [Алтайская миссия, 156].

Д. В. Кацюба приводит утверждение архим. Владимира (Казанцева), что «вещественные приманки и насильственные меры христианизации в миссии не применялись». Это было невозможно, так как на подарки не было средств, а насильственного крещения не допустили бы родственники и местные власти, состоящие из некрещенных инородцев [Кацюба, 47].

О том же говорят и некоторые факты из миссионерской практики, когда миссионеры отказывались крестить инородцев, не смотря на их просьбы¹⁷. В письмах и записках миссионеров

17. Отец Василий Вербицкий не стал крестить шамана, так как тот просил сохранить свой бубен. Позже этот шаман сам разорвал и сжег его. Еще один инородец изъявил желание креститься, но при

условии, что ему, как бедному человеку, будет дано три рубля серебром. Ему объяснили, что крещение из корыстных целей не даст очищения души его от грехов и не принесет ему пользы [Кацюба, 47, 49].

описано много случаев крещения, показывающих, что инородцы крестились по своей воле и осознанно¹⁸.

Но были в миссии и случаи распространения православия через родоначальников. Местная родовая знать стала добровольно принимать крещение: для нее это было средством выслужиться перед начальством, получить награды и скрыть свои злоупотребления. Обычно такое крещение сопровождалось пышными церемониями, в которых принимали участие гражданские и духовные власти. Далее зайсан крестил и всех своих сородичей. В своем селении он уже не допускал языческих молений и не разрешал селиться язычникам [Кацюба, 49].

Монастырям, основанным на Алтае, были выделены большие наделы земли, которыми ранее пользовались кочевники. Особенно это касалось Чульшманского мужского монастыря. В итоге монастырь поставил всех живущих там инородцев перед необходимостью выбора: или покинуть долину, или платить за аренду. Но главным условием жизни на плодородных монастырских землях, как пишет Д. В. Кацюба, был отказ от язычества и принятие крещения [Кацюба, 148]. Видимость добровольного принятия христианской веры сохранялась, но причиной крещения было желание остаться жить на земле предков.

Отмечая нетерпимость многих служителей православной церкви к древней религии инородцев, Д. В. Кацюба писал об их нежелании идти на компромиссы в вопросах веры, запреты, насилие, преследование, репрессивные меры, что было немаловажно по отношению к шаманам и их обрядам. Он считал, что все это не способствовало распространению и укреплению православной веры [Кацюба, 53].

Итак, можно сделать вывод, что благодаря признанию миссионерами свободы человека в выборе веры, отказу от насильственных методов крещения, практиковавшихся в XVII–XVIII вв., алтайские инородцы чаще всего сознательно принимали христианскую веру и крестились, при этом знание о льготах при выборе христианской веры не играло существенной роли.

Но в случаях отхода от миссионерских принципов, при использовании нехристианских методов в обращении инородцев

18. Инородца Каная родственники уговаривали принять христианскую веру. Убеждал его и о. Стефан Ландышев. Но Канай решительно отказывался и не хотел слушать. Его жена заболела, и он извел на жертвоприношения весь скот. Только после

этого он вспомнил слово о Боге милосердном и всемогущем и «всем сердцем возопил к Нему», прося об исцелении жены и давая обещание веровать во Иисуса Христа и креститься всем домом [Из писем прот. Стефана Ландышева, 191].

причиной их крещения становилась не любовь ко Христу, а практические и житейские интересы, что сказывалось на качестве дальнейшей христианской жизни. Запретительные меры по отношению к шаманским обрядам также не способствовали укреплению православной веры.

После почти девяноста лет успешной работы алтайская миссия прекратила свое существование. Причины этого коренятся не только в постоянной нехватке миссионеров и материальных средств для миссии, но и в том, что любой, даже незначительный отход от миссионерских принципов приводил к негативным для нее последствиям. Упадок миссии связан также с тем, что миссионерские станы и школы стали обычными приходскими учреждениями, потеряв всякую миссионерскую специфику, что, несомненно, сказалось на катехизации, просвещении и дальнейшей жизни новокрещенных.

Литература

1. *Алтайская миссия* = Алтайская церковная миссия : посвящается основателям первого в отечестве Миссионерского общества одним из его членов. СПб. : Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1865. 201 с.
2. *Архимандрит Макарий. Биографический очерк* = Архимандрит Макарий Глухарев : Биографический очерк // Письма архимандрита Макария, основателя Алтайской миссии / Под ред. К. В. Харламповича. Казань : Центр. тип., 1905. С. 1–69.
3. *Вербицкий. Алтайские инородцы* = Вербицкий В. И., прот. Алтайские инородцы : Сборник этнографических статей и исследований алтайск. миссионера, прот. В. И. Вербицкого, изд. Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Моск. ун-те / Под ред. А. А. Ивановского. М. : Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. 221 с.
4. *Вербицкий. Записки миссионера за 1858 год* = Вербицкий В. И., свящ. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской Духовной Миссии за 1858 год. М. : Тип. В. Готье, 1860. 34 с.
5. *Из путевых заметок архим. Макария* = Извлечения из путевых заметок миссионера, архим. Макария // Памятник трудов православных благовестников русских с 1793 до 1853 года / Сост. А. С. Стурдза. М. : Тип. В. Готье, 1857. С. 87–167.
6. *Из писем прот. Стефана Ландышева* = Извлечения из писем миссионера, прот. Стефана Ландышева // Памятник трудов православных благовестников русских с 1793 до 1853 года / Сост. А. С. Стурдза. М. : Тип. В. Готье, 1857. С. 167–199.

7. *Из духовного наследия* = Из духовного наследия алтайских миссионеров : Сборник / Сост., вступ. ст. и прим. прот. Бориса Пивоварова. Новосибирск : Изд-во Правосл. гимназии во имя преп. Сергия Радонежского, 1998. 271 с.
8. *Кацюба* = Кацюба Д. В. Алтайская Духовная Миссия : вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности : Монография. Кемерово : Кемер. госуниверситет, 1998. 155 с.
9. *К Свету* = К свету : Альманах. Вып. 20 : Православный Алтай : Небесный покров и земной подвиг. М. : Международный Фонд единства православных народов при содействии Издательского Совета Русской Православной Церкви, 2002. 167 с.
10. *Ландышев* = Ландышев Стефан, прот. Сведения об Алтайской Духовной Миссии за шесть лет, с августа 1856 г. по август 1862 г. М. : Тип. В. Готье, 1863. 34 с.
11. *Мысли* = Макарий (Глухарев), архим. Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между магометанами, евреями и язычниками в Российской державе. М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1894. 131 с.
12. *Макарий (Невский)* = Макарий (Невский), митр. Избранные слова, речи, беседы, поучения; 1884–1913. М. : Моск. подворье Свято-Троиц. Сергиевой лавры ; Отчий дом, 1996. 191 с. (Подвижники XX столетия: жизнеописания, воспоминания, творения).
13. *Макарова-Мирская* = Макарова-Мирская А. И. Апостолы Алтая : Сб. рассказов из жизни алт. миссионеров. М. : Правило веры, 1997. 301 с.
14. *Макаревский* = Жизнеописание архимандрита Макария (Михаила Глухарева), основателя Алтайской миссии : По поводу столет. юбилея со дня рождения / Сост. студ. СПб. Духов. акад. Михаил Макаревский. СПб. : Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1892. 47 с.
15. *Материалы для биографии* = Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария / Под ред. Д. Д. Филимонова. М. : Унив. тип., 1892. 202 с.
16. *Нестеров* = Нестеров С. В. Словом и житием наставляя : Жизнь и труды преподобного Макария Алтайского. М. : Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, 2005. 542 с.
17. *Харлампович* = Харлампович К. В. Архимандрит Макарий Глухарев : По поводу 75-летия Алтайской миссии. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1905. 129 с.
18. *Царю Небесному и земному верный* = Царю Небесному и земному верный : Митрополит Макарий Московский, Апостол Алтайский (Парвицкий — Невский); 1835–1926 / Сост. Т. Гроян. М. : Паломник, 1996. 416 с.

19. *Чевалков* = Чевалков Михаил, свящ. Памятное завещание : Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии. М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1894. 94 с.
20. *Ястребов* = Ястребов И. И. Краткие сведения о жизни и деятельности архимандрита Макария, основателя Алтайской Духовной Миссии : По случаю столетней годовщины со дня его рождения (8 ноября 1792 года). Бийск : Типо-лит. И. Д. Реброва, 1893. 135 с.

Irina Soldatova

Main Principles of the Mission of Altai Missionaries of the Second Half of the XIX — Early XX Century

The author outlines main principles of the mission, suggested by the outstanding Russian Orthodox missionary of the XIX century Archimandrite Makary (Glukharev) (1792–1847). Practically applying these principles he developed, complemented and elaborated them. Analysis of various source materials (letters, missionary and travel notes, accounts, etc.) made it possible to demonstrate continuity, evolution and implementation of the principles in the ministry of Altai missionaries-disciples of Venerable Makary.

KEYWORDS: mission, Altai, Makary (Glukharev), principles of the mission, missionary brigades (“druzhdina”).